

ОЖИВШИЕ
ПРЕДАНИЯ

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ГОСУДАРЕВА
ИЗБРАННИЦА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Марины Мовшиной*

П79 **Прозоров, Александр Дмитриевич.**
Государева избранница / Александр Прозоров. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Ожившие
предания. Романы А.Прозорова).

ISBN 978-5-04-092262-8

Дабы отвлечь юного царя Михаила от государственных дел, его мать инокиня Марфа, в миру Ксения Шестова, решила затеять смотрины. Властная и своенравная, она наказала сыну выбрать княжну Мстиславскую. Однако Михаил подчиняться воле матери не пожелал, и его нареченной невестой стала Мария из рода Хлоповых. Наивная боярышня, принимая в подарок драгоценную чашу от имени Марфы, даже не подозревала, какое противостояние развернулось между ее женихом и свекровью...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092262-8

© Прозоров А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая

ЦАРСКАЯ
ВОЛЯ

2 сентября 1616 года
Москва, Кремль

Полуденное солнце с легкостью пробивало три забранных слюдою окна Малой Думной палаты и ударило в золотистую роспись стены, после чего растекалось по всей горнице, освещая чинно восседающих на лавках вдоль стен, под ликами святых старцев, знатных бояр.

Высокие бобровые шапки, собольи воротники, распахнутые парчовые шубы, песцовая опушка рукавов и подолов, обитые серебром и золотом высокие посохи, многие из которых венчались резным навершием из слоновой кости либо еще более драгоценным самоцветным. Пояса с накладками из янтаря и яхонтов, перстни с камнями, золотые цепи и ожерелья на шеях.

Богатством, достоинством, золотом и самоцветами лучились наряды всех находящихся здесь людей, кроме двоих. Первым был одетый в длинный коричневый кафтан писарь, таящийся за пюпитром возле окна и старательно строчащий что-то на листочках рыхлой желтой бумаги. Вторым — пожилая круглолицая монахиня, облаченная в темно-синюю рясу и светло-се-

рый апостольник¹, опирающаяся на высокий тонкий посох из красной вишни с широким крестообразным навершием из серебра.

Именно инокиня, стоя слева и чуть позади царского трона, сурово отчитывала упавшего пред государем на колени худощавого лысого боярина с тощей седой бородкой, тискающего в руках засаленную рысью шапку:

— Тебя, Агофен Листратыч, бояре чухломские губным старостой избрали, с тебя за них всех и спрос! Что за бесовство поганое они вдруг затеяли, на торгу подать не платить?! Мытаря царского погнали, да еще и поход разбойный к татарам своевольно учинили?! Без Разрядного приказа исполчения, без указа и доизволения? Да еще на смотр половина людей ратных не вышла! Это что же вы себе за дурь позорную позволяете? Али шляхта дикая вас покусала, что подобно ляхам поганым вести себя затеяли?! Али вы мухоморов каких в лесах своих дружно откушали?! Какую сказку в оправдание затеи сей вымолвить посмеешь? Говори!

— Дык, государь... — жалобно взмолился старик, умоляюще глядя в глаза восседающего на позолоченном кресле бледного худосочного юношу, с легким пушком на подбородке и верхней губе вместо усов и бороды. — На басурман, знамо, бояре отлучались-то! Рази грех сие, нехристей всяких, сарацин нерусских пощипать маненько? И дуван взятый по обычаю атаман делит, да круг войсковой. Зачем нам мытарь?

---

¹ Апостольник — головной платок с вырезом для лица, ниспадающий на плечи и покрывающий равномерно грудь и спину. По длине может достигать живота. Обязательный предмет одеяния православной монахини.

— Да ты никак вовсе ума лишился, боярин Агофен?! — громко возмутилась монашка. — Где это ты обычаев таких набрался?! Откель вовсе повадки подобные в державе православной взяться могут?! У нас на Руси токмо закон все поступки людские определяет! Указы царские да приговор собора Земского! И без воли царской ни один боярин саблю из ножен вынимать права не имеет! Ни на басурман, ни на схизматиков, ни на православных людей тем паче! Коли от приказа Разрядного повеления не пришло, живи тихо, землю паши да жену люби! А в исполнение назначили, в тот же час в седло подняться должен, да в снаряжении полном на смотр явиться, в броне, с саблей и рогатиной, да с конем заводным. И от каждых пятидесяти десятин пашни своей по добротню снаряженному воину выставить!

— Ну так круг, он решит...

— Опять круг, Агофен?! — совсем уже взъярилась монашка. — Нет никаких кругов в царствии русском, боярин! На Руси есть токмо приказ Разрядный да воля царская! А коли не нравятся вам законы праведные, то вот вам бог, а вот порог: на Дон катитесь, к вольнице казачьей! Нам такие слуги не надобны!

Монашка снова стукнула посохом об пол и твердо объявила:

— Слушай волю царскую, Агофен Листратыч! Сим государь наш Михаил Федорович объявляет, что любой сын боярский, на смотр по велению Разрядного приказа не явившийся, либо по разумению своему в поход ушедший, из росписей в тот же час исключен будет, а поместье его в казну отписано! О сем избирателям своим и поведай. Все, ступай! Более тебя государь не задерживает!

— Благодарствую, государь... Благодарствую... Благодарствую... — С хорошо видимым облегчением губной староста из Чухломы поднялся с колен и, низко кланяясь, дотянулся до двери, шмыгнул наружу.

— Они так и останутся ненаказанными?! — изумились сразу трое думных бояр. — Учудили самовольный поход, мытарей прогнали, на смотр не явились... Да за любой из сих грехов боярина ссылать надобно и все земли изымать без оговорок! Детей же боярских в черный люд сразу списывать!

— Как бы нам не разбросаться боярами-то, Тихон Матвеевич, — ответила только одному из возмущенных князей монашка. — Во времена смутные многие земли токмо своим разумом жили, своим кругом все решали, про законы и указы за сии годы успели позабыть. Их всех к жизни правильной ни за день, ни за год уже не повернуть. В иных местах закон казачий селяне приняли, в иных под руку князей местных вернулись. Тут строгостью одной не обойтись, тут терпение надобно. Нет ныне сил у царя для всеобщей строгости. Однако же коли самых ретивых вольнодумцев на вольницу спроваживать, а на разумных опираться, то так, потихонечку, шаг за шагом, порядок и наведем.

— Так нам никакой жизни не хватит, матушка! — вздохнул думный боярин.

— А ты, Тихон Матвеевич, полагаешь, умнее твоих холопов на коней посадить, да их саблями чухломских помещиков к порядку приучить? В Чухломе дети боярские погибнут, в твоей дружине холопы погибнут. И какой от сего державе прибыток? Токмо ненависть у вас друг ко другу надолго в сердцах поселится, в жизни и в походах волками друг на друга смотреть станете, помогать друг другу не захотите. Станет ли

от сего Русь и войско наше прочнее? — Монашка чуть выждала, словно бы ожидая ответа, и закончила свою речь: — Терпение, Тихон Матвеевич, терпение. Господь терпел и нам велел. Курочка по зернышку клюет и сыта бывает. Вот и нам ныне надобно земли все, уделы и детей боярских по зернышку собирать да привечать, в гнездо родное возвертая. А коли служивых бить по головам начнешь, так они после сего токмо еще дальше разбегутся.

Вставшие со своих мест князья склонили головы и вернулись на скамьи.

— Нынешний день оказался долгим, бояре, — решила монахиня. — Государь устал. Время обеденное, пора и отдохнуть. Господу помолиться, покушать, иными делами озаботиться.

Думные бояре опять поднялись, оперлись на посохи, склонились в поклонах. Последним поднялся с трона юноша, одетый в ферязь из аксамита¹ и в тафью² с золотым шитьем.

— Сынок, ты как? Все хорошо? Как себя чувствуешь?

— Все хорошо, матушка, — тихо ответил юный государь.

Его попытались поддержать двое рыжебородых слуг в парчовых кафтанах, но царь Михаил Федорович жестом их остановил и самостоятельно вышел в дверь за креслом.

Думные бояре распрямились и тоже двинулись к выходу.

За дверью же, что скрывалась за тронном, монашка положила руку юному самодержцу на плечо:

¹ А к с а м и т — плотная ткань из шелка с золотой и серебряной нитью.

² Т а ф ь я — русский головной убор, похожий на тубетейку.

— Ты выглядишь уставшим, Мишенька. Может статься, братья Салтыковы проводят тебя в опочивальню?

— Не нужно, матушка, — покачал головой царь всея Руси. — Я хорошо себя чувствую. Я вполне могу дойти до своих покоев сам!

Явное раздражение государя заставило отступить и братьев Михаила и Бориса, и инокиню Марфу, в девичестве — Ксению Ивановну Шестову.

— Хорошо, Мишенька, — не стала спорить монашка. — Ступай. Но после обеда обязательно полежи! Мне же ныне надобно в обитель. Увидимся вечером.

— Конечно, матушка...

Государь и монашка крепко обнялись, после чего скромная послушница, постукивая посохом, повернула к лестнице, а ее сын в сопровождении четырех рынд¹ — высоких, плечистых, одетых в белоснежные кафтаны, с топориками в руках — двинулся к своим покоем.

Такое уж оно, одиночество царя, — всегда в окружении охраны, советников или слуг.

Царские холопы встретили Михаила Федоровича в его личных покоях, пахнущих можжевельником и ладаном, обитых сукном, застеленных коврами, с расписным потолком и слюдяными окнами, сняли с правителя дорогую парадную одежду, одели в свежую шелковую рубаху и бархатную тафью, опоясали парчовым кушаком, проводили к накрытому столу, отодвинули обитое алым бархатом резное польское кресло, положили на колени вышитую салфетку...

---

¹ Рынды — оруженосцы и телохранители московских великих князей и царей.

Взойдя на трон целых три года назад, Михаил до сих пор никак не мог к этому привыкнуть: к тому, что слуги выполняли за него буквально все! Расправляли наряды, одевали, раздевали, укладывали в постель, взбивали подушки и накрывали одеялом, постоянно ходили следом, открывали для него двери, умывали перед едой и, конечно же, парили в бане; накладывали кушанья в тарелку и наливали питье в кубок. Мальчик, которого царские приставы пытались свести в могилу холодом и голодом, никак не мог себе представить, что спустя всего десять лет он сам станет повелителем всея Руси и что те же самые царские слуги, каковые добивались его гибели, теперь чуть ли не на руках станут носить его с утра до вечера и сдвух каждую пылинку при первой возможности.

В не самой длинной жизни Михаила Федоровича случилось многое: ссылка, голод, унижения, бегство, возвращение в материнские объятия — и снова скитания, бегство, осады, голод... Но испытание заботой оказалось самым тяжелым.

— Боря, я налью сам! — не выдержал государь, когда заботливая рука потянулась из-за его плеча за кувшином с вином. — Столько, сколько самому хочется!

— Не-не-не, царь-батюшка, ни в коем разе! — Остролицый паренек, голубоглазый, вихрастый и конопатый, одетый в вышитый кафтан и соболью шапочку, торопливо сцапал серебряную емкость с высоким тонким горлышком, покрытую витиеватой чеканкой и ярким эмалевым рисунком. — Кравчий и только кравчий должен заботиться о твоих кубках и тарелках! Вдруг отравят?

Юный слуга налил в небольшой стаканчик вино, опрокинул в рот, звучно почмокал:

— Какая вкуснятина! Даже не понимаю, отравлено или нет? Пожалуй, нужно проверить еще раз... — Паренек плеснул себе снова, выпил, после чего почти до краев наполнил царский кубок. — Советую начать с этого, царь-батюшка. Красное фряжское диво как кровь разгоняет. Его словно прямо в жилы наливаешь! Сразу и теплее становится, и бодрее, кожа розовее. Тебе, Михаил Федорович, это ныне надобно. Бледный ты сегодня, государь.

Слуга налил себе в стаканчик еще вина, подмигнул юному самодержцу и опрокинул драгоценное питье себе в рот.

Боярин Морозов, Борис сын Иванович, единственный во всей державе позволял себе с правителем всея Руси подобные вольности. Ведь свою службу паренек начинал не слугой, а воспитанником. Три года назад он попал в кремлевский дворец вместе с Михаилом — двенадцатилетним напуганным сиротой, взятым ко двору из христианской милости и ради заслуг почившего отца, служившего подьячим в Посольском приказе, однако в смутное время совершенно разорившегося.

Юный царь, тоже ощущавший себя в огромном дворце неуютно, взял мальчишку к себе в свиту, всячески его поддерживал и утешал, тем самым успокаиваясь и сам.

Под надежным крылом государя зашуганный нищий сиротка вырос слегка нахальным и веселым паренком, бедовым, но весьма умным. Во время пиров и бесед с приказными дьяками, на которых он прислушивал, Бориска ухо держал остро и хорошо усваивал услышанное. Посему, получив первое пожалование в пять сотен десятин, он стал надолго исчезать из двор-

ца, занимаясь какими-то личными затеями. Однако к службе всегда и неизменно успевал.

— Полагаю, царь-батюшка, тебе еще и грибков отпробовать хочется, и убоинки печеной, и буженины, и печени заячьей на вертеле, и холодца... — Кравчий торопливо наполнял золотое, с самоцветами по краю, блюдо угощениями. — Ан нет... Холодец не помещается. Его тебе захочется позднее.

Михаил Федорович, не в силах сердиться на своего воспитанника, улыбнулся, поднял со стола кубок и пригубил вино:

— Куда ты все время пропадаешь, Борис? Иногда мне сильно не хватает твоего задора.

— Бедному сиротке приходится самому заботиться о своем прибитке, царь-батюшка. Иначе придется сидеть голому и босому, холодному и голодному. — Паренек быстро и ловко уплетал набранное на блюдо угощение. — Никогда! Никогда, государь, не отказывайся от кравчего! Иначе очень хороший человек может остаться на улице с пустым желудком!

— Почему на улице? — удивился царь. — Тебя же никто не выгоняет!

— Сговорился после обедни с одним торговцем о вологодском поташе поболтать... — несмотря на суетливость и прожорливость, о своих обязанностях кравчий не забывал, и пока Михаил Федорович допивал вино, быстро и ловко положил ему на тарелку несколько ломтей уже отведенного мяса и два вертела с заячьими почками, добавил немного капусты, а вот грибы класть не стал. Наверное, чем-то не понравились.

— Боярин Третьяков тоже полагает английского посланника со товарищи после обедни ко мне привести. Монополии прежние торговые подтвердить. —